

Вероника Даунгли

Три романа

- » Отыгрывание прошлого
- » Бельведер городок идеальных лиц
- » Аромат Сада на крыше

Вероника Даунгли Бельведер городок идеальных лиц

<https://litres.ru/74493718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антуан Легран, парижский скульптор, переживает кризис идентичности: он сомневается, является ли его творчество поиском истины или лишь способом заслужить одобрение. Покинув Париж, он переезжает в живописный Бельведер-сюр-Мер, надеясь обрести себя.

В городке Антуан готовится к выставке своих цветных скульптур. Важным этапом на пути к самопознанию становится встреча с Мией — молодой художницей цифровой живописи. Её естественная красота и искренность помогают герою осознать, что страх не в несовершенстве, а в потере связи с собой.

После выставки Антуан получает неожиданное предложение от Жюльена Моро, хирурга клиники «Гармония». Они разрабатывают инновационный подход: скульптор создаёт портреты будущих изменений лица до операции. Первым пациентом становится Элен Каллис. В процессе работы Антуан знакомится с Клэр, дочерью Жюльена. Её поддержка и любовь дают герою внутреннюю опору.

Содержание

Глава 1 «В поисках себя за маской совершенства»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вероника Даунгли Бельведер городок идеальных лиц

Глава 1 «В поисках себя за маской совершенства»

Я не знаю, кто я.

Этот вопрос преследует меня с тех пор, как я покинул Париж. Антуан Легран, скульптор, — это имя, профессия, оболочка. Но что под ней? Что осталось от того человека, который когда-то верил, что искусство — это путь к истине, а не способ понравиться?

Они видят безупречного мастера. Улыбаются шире, слушают внимательнее, доверяют охотнее — но видят ли меня? Я ловлю эти взгляды: быстрые, оценивающие, замирающие в немом одобрении. И каждый раз внутри что-то сжимается. Словно я — не человек, а скульптура, выставленная на всеобщее обозрение.

Бельведер-сюр-Мер... Лазурные воды залива Серебряной Луны, мощёные улочки, винные бутики — всё это красиво. Слишком красиво. Как декорация. Как ещё одна маска, ко-

торию я примеряю. Вилла на возвышенности, мастерская с видом на залив — идеальное место для творчества? Возможно. Но достаточно ли этого, чтобы найти себя?

Я убежал сюда не за вдохновением. Я убежал от прошлого, которое успело мне наскучить. От лиц, которые смотрели, но не замечали. От голосов, которые слушали, но не слышали. Теперь же я стал магнитом для взглядов. И эта перемена пугает: словно прежняя маска исчезла, а новая оказалась куда более привлекательной для окружающих — и куда более чуждой для меня самого.

Что, если взять одного и того же человека и показать его в двух обликах? Как изменится отношение? Что они будут видеть: личность или оболочку? Я решил проверить это на себе. И вот я здесь — с новой внешностью, новыми манерами, новой уверенностью. Но где же я?

По утрам я прогуливаюсь вдоль дорожек, утопающих в кустарниках со сладковатым ароматом. Благоухание смешивается с морским бризом и нотками цитрусовых. Я ловлю взглядом линии кипарисов, отмечаю игру света на фасадах. Здесь каждый изгиб — намёк на будущую скульптуру. Но смогу ли я создать что-то настоящее, пока сам остаюсь незаконченной работой?

Эти перемены начались с внешности. После работы профессионалов мой облик приобрёл черты, которые общество считает совершенными. И почти сразу я заметил, как изменилось поведение: речь стала более уверенной, манеры —

изысканнее. Эти трансформации произошли будто сами собой, словно новое тело потребовало соответствующего содержания.

В свои сорок с небольшим я выгляжу так, что порой, встретив своё отражение в витрине, ловлю себя на мысли. «Это точно я?» Оно кажется слишком безупречным, почти нереальным. Словно я надел маску — красивую, но всё ещё чуждую.

О том, как именно удалось добиться такого перевоплощения, я расскажу позже. А пока... пока я всё ещё разбираюсь, кто же я на самом деле: тот, кого видят окружающие, или тот, кто прячется за этой безупречной оболочкой?

Может, ответ лежит не в вопросах, а в деле? Пока я ищу себя, я могу хотя бы показать миру то, что живёт внутри — через свои скульптуры. Выставка станет не просто демонстрацией работ, а попыткой заговорить с самим собой на языке камня и цвета.

Для своей первой выставки в этом городке я искал место, достойное моих работ. Моя цель — показать человека во всей его гармонии, возвышая реальность, а не копируя её. Как в «Давиде», где совершенство духа и тела застыло в камне, так и в моих скульптурах раскрывается скрытая гармония — напоминание о том, что идеал живёт в линиях и пропорциях.

По узким улочкам средневековой постройки, украшенным цветущими балконами, которые усиливали ощущение

сказочности, мне навстречу двигались прохожие. Кто-то спешил, кто-то неторопливо разглядывал фасады, задерживаясь у кованых решёток или в тени старых платанов. Я ловил обрывки разговоров, улыбки, восхищённые взгляды — и понимал: этот город живёт эстетикой, ценит не просто красоту, а её нюансы.

Проходя мимо здания бывшей ратуши с высокими потолками, залитого солнцем, я ощутил: это место создано для моих скульптур. Просторный зал с широкими окнами, когда-то служивший для городских собраний, теперь пустовал — и будто ждал, чтобы его наполнили искусством. Мягкий свет ложился на полированный каменный пол, обещая выгодно подать каждую деталь.

Я зашёл внутрь. В глубине зала меня встретил мужчина в возрасте, но очень элегантного вида — невысокий, с благородной осанкой, одет безупречно. В манере держаться читалась многолетняя привычка к искусству и тонкому общению: каждое движение было взвешенным, взгляд — внимательным и доброжелательным.

Он приветливо улыбнулся и спросил:— Вы что-то ищете? Раз заглянули в пустое место и так внимательно его рассматриваете.

— Да, вы правы, — ответил я. — Я ищу пространство для выставки своих работ.

Мужчина слегка улыбнулся, словно ожидал именно этих слов, и произнёс:— А мы вас ждали. Ждали человека, кото-

рый заполнит это пространство своими произведениями. У вас картины?

— Нет, скульптуры, — улыбнулся я в ответ.

— Скульптуры? — его глаза загорелись интересом. — Это меняет дело. Здесь будет великолепно. Кстати, позвольте представиться: меня зовут Кристоф Пикар, я управляющий этим выставочным пространством и куратор местных арт-проектов.

— Очень приятно, Кристоф. Я — Антуан Легран, скульптор из Парижа, — я протянул руку, и мы обменялись крепким рукопожатием.

— Это место потрясающее, — продолжил я, оглядываясь вокруг. — Такое белое, чистое... Здесь как будто кто-то уже всё подготовил к выставке.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Вы правы, — кивнул Кристоф. — Мы готовим это место для нового владельца пространства. До этого здесь прошла замечательная выставка предметов искусства одного коллекционера. Его коллекция имела огромный успех — практически всё было куплено. Ничего не осталось. Старинные вещи удивительно хорошо вписались в интерьеры жителей городка.

Он сделал паузу, подошёл к окну и посмотрел на улицу, где по мощёной дороге прогуливались люди. Лучи заката золотили карнизы и отбрасывали длинные тени. Затем повернулся ко мне и добавил:

— Ваши скульптуры, думаю, станут следующим важным событием. В этом зале они заиграют новыми гранями — свет подчеркнёт каждый изгиб. Это пространство ждёт именно ваших работ, Антуан.

Я улыбнулся, но внутри шевельнулось сомнение. Радовало ли меня признание? Да. Но было ли оно адресовано мне — тому, кто прячется за маской совершенства? Или они видят лишь безупречного скульптора, которого я научился изображать?

Его слова отозвались во мне теплом — не просто удовлетворением, а торжеством. Да, интуиция не подвела: это место действительно обладало той особой геометрией пространства, где каждая линия будто ждала, чтобы её дополнила скульптура. Мои работы не просто впишутся сюда — они станут голосом этого зала, его невысказанной сутью.

Немного проголодавшись, я зашёл в небольшое кафе по дороге к своему дому-особняку. Внутри царила особая атмосфера: люди за столиками выглядели расслабленно, словно излучали уверенность — они находились именно там, где и должны быть. Взгляд невольно зацепился за пару у окна: они молча улыбались друг другу, не нуждаясь в словах. И я вдруг подумал: а я? Чувствую ли я хоть миг такой же безусловной принадлежности — или это пока лишь образ, к которому я стремлюсь?

Официант поставил передо мной чашку кофе. Аромат свежемолотых зёрен помог сосредоточиться, упорядочить

мысли. Возможно, я уже ближе к ответу, чем кажется. Я начал понимать: дело не в безупречности. Дело в том, чтобы найти место, где маска не нужна — где достаточно просто быть.

Я допил кофе и вышел на улицу. Воздух был напоён ароматом олеандров — сладким, почти навязчивым. И в этот момент я увидел её.

По улице шла молодая девушка. Её красота поражала не столько правильностью черт, сколько внутренним светом: лёгкая улыбка, чуть наклонённая голова, шаг, будто скользящий над мостовой. Время словно замерло. Я невольно остановился и бросил взгляд в сторону залива...

Она была воплощением чистой, первозданной красоты, лишённой несовершенства, — словно ангел, сошедший с небес. В её облике читалась та гармония, к которой я стремился в своих работах, но никогда не мог уловить: не статичное совершенство мрамора, а живая, дышащая целостность. После духовного и творческого кризиса созерцание её красоты пробудило во мне не просто вдохновение — а ощущение, будто я впервые за долгое время увидел настоящую красоту: не фасад, а суть.

— Вы что-то увидели там? Что там? — внезапно спросила она.

Для неё это была абсолютно нормальная реакция: она была молода, любопытна, открыта миру.

— Да, — ответил я. — Мне показалось, что кто-то прибыл

на очень большой яхте. Я её раньше не видел — по крайней мере, до вчерашнего дня.

— А, эта? Да, я знаю, чья она, — улыбнулась девушка. — Это яхта моего отца. Мы только сегодня приехали сюда... Надолго, надеюсь. Мама последнее время неважно себя чувствует, а врачи посоветовали ей сменить обстановку — сказали, что здешний воздух и покой пойдут на пользу.

Она произнесла это просто, без жалоб, но в голосе проскользнула тень заботы.

— Понимаю, — мягко отозвался я. — Здесь действительно особенное место. Оно лечит не только тело, но и душу.

— Наверное, вы правы, — кивнула она. — Наверное, надолго, — тихо и скромно добавила она, а затем спросила: — Вы здесь живёте?

— Уже да, — кивнул я. — Можно сказать, что живу. И работать здесь буду. — Работать? Но здесь почти никто не работает... Ой, простите, — смутилась она. — Почему же никто? — мягко улыбнулся я. — Я, например, создаю скульптуры в камне, глине и гипсе. — Как создаёте? Делаете людей красивее? — уточнила она с неподдельным интересом.

Я решил обернуть разговор в шутку, чтобы не смутить её серьёзностью темы, и рассмеялся: — Нет, не совсем так. Я леплю из глины и гипса статуи, бюсты, а ещё отдельно — красивые руки, лица... Всё то, что отражает человеческую красоту в её идеальном проявлении. И, кстати, мои скульптуры — цветные.

— Цветные? — её глаза расширились от удивления. — Но разве скульптуры не должны быть... ну, мраморно-белыми?

— Должны — если следовать канонам, — улыбнулся я. — Но я предпочитаю правду цвета. Раскрашиваю гипсовые формы натуральными пигментами, иногда добавляю позолоту или патину. Получается не имитация жизни, а её усиленное отражение.

— О, это невероятно! — она захлопала в ладоши. — А я рисую цветы... в цифровом формате. Использую градиенты, световые эффекты, иногда добавляю анимацию — представляете, лепестки могут чуть дрожать, словно от ветерка!

— Цифровая живопись? — я невольно подался вперёд. — Это удивительно созвучно моим поискам! Вы работаете с цветом, светом, текстурой — только в другой плоскости.

— Правда? — девушка улыбнулась, буквально засветившись от счастья. — Значит, мы в чём-то похожи!

В её глазах светилась такая искренность, что на мгновение маска треснула. Я почувствовал, как внутри что-то оттаивает — будто я наконец дышу полной грудью, а не играю роль, которую выучил наизусть.

— Безусловно, — кивнул я. — И мне было бы очень интересно увидеть ваши работы. Возможно, мы могли бы даже как-то объединить усилия — представить рядом скульптуру и цифровой образ.

— О, это захватывает дух! — её лицо озарилось вдохновением. — Представить рядом камень и пиксели... Это же

настоящий диалог форм! — Меня зовут Мия. А вас?

— Антуан. Очень рад знакомству, Мия, — я слегка поклонился. — О моей выставке можно будет узнать из местных новостей. Буду рад видеть вас среди гостей. А вы, в свою очередь, обязательно покажите мне свои цифровые цветы.

Она улыбнулась в ответ, кивнула и пошла дальше, а я ещё несколько мгновений смотрел ей вслед, размышляя о том, как удивительно порой переплетаются судьбы — и как одна случайная встреча может вдохновить на новые творения.

В это же мгновение, при повороте головы, я столкнулся с женщиной, державшей на руках маленькую собачку. Та вдруг залилась пронзительным, визгливым лаем — внезапным и режущим, словно стекло разбилось у самого уха. Я невольно вздрогнул, и этот звук в одно мгновение разрушил тот тонкий настрой, что только что наполнял душу.

Женщина выглядела неприятно: черты лица казались искажёнными, будто застывшими в неудачной гримасе — асимметрия губ, гладкость щёк без живой мимики, словно кожа натянута слишком туго. Всё в ней кричало о дисгармонии, которую я только что созерцал в Мии: нарочитая поза вместо грации, холодный взгляд вместо живого любопытства, неестественная улыбка, будто вырезанная ножом скульптора. Собачка продолжала лаять, дёргаясь в руках хозяйки, — звук разрывал тишину, заглушая эхо вдохновения.

Её лицо, лишённое живой мимики, резануло меня, будто ножом по свежей глине. Почему? Потому что в нём я уви-

дел тень того, от чего бежал: искусственность, подменяющая суть. Мия была воплощением гармонии — а эта женщина... её антиподом. И вдруг я понял: страх не в том, чтобы быть несовершенным. Страх — в том, чтобы потерять связь с собой, заменив её фасадом.

Я с усилием удерживал в сознании образ Мии: овальное лицо с высокими скулами, взгляд ореховых глаз, изгиб запястья... Как скульптор, спешащий запечатлеть ускользающую модель, я мысленно воссоздавал каждую деталь. «Не потеряй это», — твердил я себе.

Сделав глубокий вдох, я закрыл глаза — и перед внутренним взором вновь возникла Мия: её улыбка, движение волос на ветру, линия плеча. Вдохновение отступило, но не исчезло — оно сгустилось в чёткую форму, будто глина под пальцами, готовая принять очертания будущей скульптуры.

Я кивнул женщине, скрывая досаду, и двинулся дальше. Шаги мои стали размеренными, почти ритмичными, словно отсчитывали такт рождающейся идеи. В голове уже складывались очертания будущей работы — напоминания о том, как хрупка красота, когда её настигает случайный шум жизни.

Над площадью пронеслись ласточки, их стремительные траектории будто рисовали линии будущей композиции. Я замер на мгновение, прослеживая их полёт: резкие взмахи крыльев, внезапные повороты — всё это складывалось в образ, который нужно было лишь перенести в камень. Возмож-

но, стоит вплести в детали скульптуры мотивы её цифровых цветов — так мир Мии встретится с моим, создавая новый язык формы и цвета.

Я подошёл к рабочему столу. Тёплый отблеск заката лёг на куски глины, на инструменты, ждущие своего часа. Всё было готово. Оставалось лишь воплотить тот образ, что уже жил в сердце: хрупкую гармонию, рождённую встречей с Мией, — и сохранить её в камне, чтобы она больше не ускользнула.

И впервые за долгое время я понял: я не убегая. Я возвращаюсь — к себе, к искусству, к жизни, которая больше не прячется за маской совершенства.

Вдохновение, рождённое встречей с Мией, больше не казалось хрупким. Оно стало частью меня — как глина, готовая принять форму. Я больше не боялся несовершенства: оно было частью жизни, частью искусства, частью меня.

Глава 2. «Ожидание чуда: момент открытия»

Все любят выходы в свет — и богатые, и обычные люди. Для одних это возможность блеснуть в кругу избранных, для других — шанс прикоснуться к миру, обычно остающемуся за кадром роскошной жизни. Открытие художественной выставки — всегда праздник, особое пространство, где воздух наэлектризован предвкушением.

При входе в это уникальное пространство гостей поразила крупная скульптура. Она напоминала античные образцы — благородные линии, классическая поза, — но поражала неожиданным решением: белоснежная поверхность бы-

ла украшена узорами, словно боди-арт на теле статуи. Синие, голубые и васильковые мотивы, выписанные с ювелирной точностью, складывались в бело-синюю симфонию, притягивавшую взгляды.

Чуть дальше, у окна, где мягкий свет подчёркивал каждую деталь, расположилась другая композиция, к которой в основном подошли девушки и женщины. В центре — изящная женская фигура в лёгком, почти невесомом повороте. Вокруг её тела, будто подхваченные невидимым ветром, парят чайки, застывшие в самом пике полёта. Фигуры птиц выполнены в нежно-розовых тонах — они словно розоватые блики рассвета, застывшие в воздухе.

А я стоял в стороне и наблюдал. Мои скульптуры теперь жили собственной жизнью, больше не принадлежали только мне. Они стали частью этого вечера, этого города, этих людей. И в этот момент я понял: искусство действительно лечит. Оно не погружает в грустные воспоминания — оно помогает их переосмыслить, превращает боль в красоту, а сомнения — в уверенность.

Но вскоре внимание всех невольно сосредоточилось в одной части зала. Там, в глубине, часть экспозиции была скрыта под белоснежной шёлковой материей. Лёгкая, словно утренний туман, ткань мягко струилась по контурам неведомых форм, деликатно намекая на что-то необычное — но не раскрывая тайн.

Гости постепенно знакомились и представлялись друг

другу. В зале уже находились Мия и её родители, недавно приехавшие в городок. Приятная семья: сдержанная элегантность в манере держаться, тёплые улыбки, внимательный взгляд — сразу видно людей, тонко чувствующих искусство.

Мия подошла ко мне и с лёгкой улыбкой представила своих родителей:

— Антуан, познакомьтесь: это мои мама и папа. Они очень хотели увидеть вашу выставку.

Её отец, высокий мужчина с благородной осанкой, пожал мне руку:— Восхитительно, просто восхитительно! Мы много где бывали, но такое видим впервые. Как вы сумели гармонично соединить столь разные стили в одной скульптуре?

Мать Мии, изящная дама с живыми глазами, мягко добавила:— Действительно, поразительно. Каждая работа дышит своим характером, но всё вместе создаёт единую симфонию. Слово вы нашли ключ к гармонии противоположностей.

— Я так рада, что вы смогли представить это публике, — подхватила Мия. — Некоторые шедевры годами ждут своего часа, а тут — целая коллекция: живая, цельная, настоящая...

— Очень рад, что вы пришли, — слегка наклонив голову, ответил я. — Ваши слова — лучшая награда для художника.

А в глубине зала шёлковая завеса всё так же мягко струилась, обещая раскрыть свою тайну...

К моему удивлению, среди гостей я заметил знакомое лицо — и сердце на мгновение сбилось с ритма. Это был он:

Александр Вейс, человек-загадка, известный в деловых кругах от Нью-Йорка до Токио, — глобальный инвестор, меценат и страстный коллекционер искусства, чьи коллекции оставались тайной для всех. На аукционах он появлялся инкогнито: безликий номер на табличке, анонимный голос в трубке, ставка, способная переписать историю цен.

Он стоял у одной из моих скульптур — вполоборота, руки за спиной — и изучал её с таким пристальным, почти хищным вниманием, что у меня по спине пробежал холодок. Это был не просто вежливый интерес светского гостя, а глубокий, цепкий взгляд знатока: он видел работу насквозь — линии, пропорции, замысел.

Я невольно затаил дыхание. Что привело его сюда? Почему именно моя выставка? И главное — что он на самом деле думает об этих формах и цвете?

Его губы чуть дрогнули — не улыбка, а намёк на неё, — и он слегка кивнул, словно подтверждая какую-то свою мысль. Этот едва заметный жест поднял моё настроение выше, чем все комплименты вечера. Настоящий, неподдельный интерес человека, привыкшего видеть лучшее.

Что он ищет? Инвестицию? Или что-то личное?

Но нужно было поспешить. Я встряхнул с себя наваждение и устремился к загадочной экспозиции. В зале повисла тишина — гости, словно по негласному уговору, замерли и обратили взоры в мою сторону.

Лёгким движением я зацепил край шёлковой материи и

плавно потянул в сторону. Ткань заструилась, соскальзывая с изгибов композиции, но я не смотрел на то, что открывалось взглядам. Вместо этого я вглядывался в лица гостей — их реакция была важнее всего. Именно эти мгновения я мечтал запечатлеть в будущих скульптурах: искренний восторг, изумление, затаённое дыхание.

И вот оно — то самое мгновение, ради которого я жил последние месяцы. В воздухе повисло общее «ах», прокатившееся по залу, как волна прибоя, — настоящее наслаждение, которое словами не передать.

Перед гостями предстала миниатюрная композиция высотой около метра на изящном мраморном пьедестале. Она запечатлела динамичный момент игры в конное поло: два всадника в разгар состязания боролись за мяч. Позы наездников передавали напряжение и азарт поединка, а движение лошадей — их грацию и мощь. Роспись золотом и инкрустация кристаллами Сваровски, мягко переливающимися при малейшем движении света, превращали скульптуру в гимн элегантному и динамичному виду спорта — конному поло, веками остающемуся привилегией аристократов и ценителей прекрасного.

— Вот это великолепие! Сразу напомнило мою молодость, — произнёс мужчина крепкого телосложения, не отрывая взгляда от композиции. — Я очень активно увлекался этим спортом в швейцарском городе Гштаад — там часто проходили турниры по конному поло. Видел немало матчей

на тех зелёных полях... Каждый раз дух захватывало от скорости и азарта.

Он сделал шаг ближе к пьедесталу, взгляделся в детали — и тихо добавил:

— Такая композиция... как память о молодости. Возможно, ей найдётся местечко в нашем особняке.

Он обернулся к своему сыну, который стоял неподалёку и внимательно рассматривал экспозицию, изучая каждую мелочь с живым, неподдельным интересом. Юноша оторвался от созерцания, поднял глаза на отца и улыбнулся:

— Да, отец, это действительно что-то особенное. Она передаёт сам дух игры, — видишь, как точно схвачен момент? Словно вот-вот всадник сделает рывок и мяч полетит дальше...

Мужчина положил руку на плечо сына и кивнул, соглашаясь:

— Верно подмечено. Это не просто скульптура — это воспоминание, застывшее в золоте и камне. Думаю, она будет достойно смотреться в библиотеке, рядом с трофеями. Там, где хранятся истории, которые хочется передавать дальше.

Наблюдая за ними, я вдруг понял: искусство — это мост. Оно соединяет поколения, воспоминания и мечты. В этот миг я почувствовал, что выставка стала чем-то большим, чем собрание скульптур.

В этот момент я почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, я увидел Александра Вейса. Он стоял

чуть поодаль, наблюдая за мной и за реакцией гостей, а затем бесшумно приблизился — так, что я даже не услышал его шагов. Его движения были плавными, почти кошачьими, а взгляд — острым и цепким, как у хищника, который наконец нашёл то, что искал.

Его глаза скользили по золотым бликам на гриве лошади, затем он медленно перевёл взгляд на меня — и в этом взгляде читалось не просто восхищение, а глубокое понимание, попытка проникнуть в суть замысла.

— Я видел сотни выставок, но эта... цепляет, — произнёс он негромко, почти шёпотом, но в его голосе звучала неподдельная искренность. — В ней есть ритм, почти музыкальный. Как вы пришли к этой гармонии противоположностей — лёгкости чаек и мощи поло, древности и современности? Это продуманная стратегия или озарение?

Я глубоко вдохнул, чувствуя, как внутри поднимается волна искренности. Этот вопрос требовал не дежурного ответа, а откровения. Я повернулся к Вейсу, посмотрел ему прямо в глаза и начал говорить — медленно, взвешивая каждое слово:

— Вы удивительно точно подметили, Александр. Всё началось с идеи о мгновениях, которые становятся вечностью. Я хотел показать, как мимолётное может обрести форму и остаться с нами навсегда.

Он слегка наклонил голову, побуждая меня продолжать, и я заговорил увереннее:

— Античная статуя с узорами — это диалог прошлого и настоящего. Она напоминает, что традиции живут, если мы впускаем в них новое. Чайки — лёгкость мига, свобода, которую мы так редко замечаем в суете. Поло — азарт и страсть, застывшие в движении: мгновение перед ударом по мячу, когда всё зависит от доли секунды.

Вейс внимательно выслушал, не перебивая. Когда я закончил, он медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то новое — не просто интерес, а уважение.

— Теперь я вижу цельность, — произнёс он тихо. — Вы не просто выставляете скульптуры — вы рассказываете историю. И она... завораживает.

В зал плавно вошли официанты — их пригласили из престижных ресторанов города, славившихся безупречной школой обслуживания. Они несли подносы с напитками в изысканно оформленных бокалах. Лёгкий аромат фруктовых коктейлей и терпкий букет выдержанного вина наполнили пространство, добавляя вечеру ещё больше очарования.

Именно в этот миг на небольших выкатных столиках появились последние акценты выставки — скульптуры масок двенадцати знаков зодиака: изящные, камерные работы в серебристо-золотой гамме. Каждая соответствовала размеру человеческого лица — её можно было взять за ручку и приложить к лицу, представив себя гостем маскарада.

Маски придавали пространству таинственную, праздничную атмосферу.

— Лев — вот мой знак! — воскликнула дама в изумрудном платье. — А я возьму Рыб, — улыбнулся юноша.

Солнце опускалось за горизонтом. Маски зодиака мерцали в полутьме, словно звёзды, спустившиеся с небес, — связь человека с циклом времени, с вечными вопросами судьбы.

«Бал будет завтра», — подумал я и улыбнулся. Сегодня они стали частью чьей-то истории.

Глава 3. «Гармония линий: между искусством и хирургией»

Утро началось с телефонных звонков — настойчивых, деловых, лишённых всякой поэзии. Кто-то хотел приобрести экспонат с выставки, кто-то почти требовал выполнить индивидуальный заказ для своего интерьера. Голоса в трубке вызывали волну сопротивления: творчество не может подчиняться указам. Оно рождается из вдохновения, а не из требований.

Но среди потока предложений одно выделилось. Коротко, без предисловий: место встречи — клиника пластической хирургии, время — после обеда.

Замерев у окна, я смотрел на залитые солнцем кипарисы. Почему именно там? В памяти тут же всплыла сцена: женщина с искажённой внешностью, её натянутая улыбка, дёргающаяся собачка... И неожиданно для себя начал мысленно прорабатывать схему идеальной пластики лица — линии, углы, пропорции. Как скульптор, который видит не изъяны, а возможности их превратить в гармонию.

Неспешно спустившись в мастерскую, я остановился посреди пространства, оглядывая всё вокруг. Знакомые инструменты, незаконченные эскизы, рисунки, прищипленные к стенам, — всё вдруг начало словно отдаляться. Предметы будто размывались на глазах, теряя чёткие очертания, а мастерская, всегда такая родная, вдруг показалась чужой и даже враждебной.

Во мне нарастало странное ощущение: что-то меняется, вот-вот произойдёт какой-то перелом. Сердце забилося чаще, по спине пробежал холодок. Стало не по себе — почти страшно. Казалось, будто сами материалы обиделись, а скульптуры, застывшие в разных углах, укоризненно смотрят, словно я предаю их своим новым замыслом.

Глубоко вдохнув, я закрыл глаза и мысленно обратился к ним — к глине, гипсу, мрамору, к каждой линии, проведённой за годы работы:

— Послушайте, — тихо произнёс вслух, — это не значит, что я брошу вас. Останусь скульптором. Просто, возможно, сфера искусства станет шире. Не отказываюсь от призвания — хочу его развить.

Постепенно паника отступила. Всё вернулось на свои места. Мастерская снова стала привычной и уютной. Предметы больше не отдалялись, а словно одобрительно замерли в тишине.

«Почему бы и нет? — подумалось мне. — Цель — делать формы совершенными. И если эта может помочь человеку

обрести уверенность, вернуть себе целостность — разве это не высшая форма искусства?»

Взглянув на часы, отметил, что нужно было собраться с мыслями.

Подойдя к незаконченной скульптуре — женской фигуре в полуобороте, провёл пальцем по линии плеча, ещё не до конца обработанной, но уже несущей в себе образ. «Ты ведь тоже когда-то была просто идеей», — мелькнуло в голове.

Задержавшись на пороге, бросил последний взгляд на мастерскую и вышел. Солнце стояло высоко, кипарисы отбрасывали резкие тени — как будто сама дорога указывала путь к клинике.

Клиника находилась на краю городка — всего в двадцати минутах пешком от моей мастерской.

Передо мной возвышалось здание с высокими окнами в бежево-коричневой гамме, вокруг раскинулась небольшая территория с аккуратно высаженной зеленью цветущих кустарников. Всё выглядело умиротворённо и успокаивающе.

Подходя к входным дверям они распахнулись. Меня встретила приветливая молодая девушка. Её рост показался мне слишком высоким — я вдруг почувствовал себя немного ниже, хотя считал себя человеком внушительного роста.

— Добро пожаловать в «Гармонию», — улыбнулась она.
— Вы, должно быть, месье Легран?

— Да, это я, — кивнул я.

— Я — Клэр, дочь хозяина клиники. Отец ждёт вас в ка-

бинете. Прошу за мной.

Я сделал шаг вперёд и заметил над стойкой администратора бронзовую табличку с гравировкой: «Основано Жюльеном Моро-старшим». Под надписью располагался герб — переплетённые ветви оливы и лавра, обрамляющие скальпель.

— Ваша семья давно занимается медициной? — не удержался я от вопроса. — Уже третье поколение, — с гордостью ответила Клэр. — Дедушка начинал здесь, в этом же городке.

Она провела меня по светлому коридору. Мы остановились у двери с табличкой: «Жюльен Моро, главный хирург клиники».

Клэр постучала и, получив ответ, открыла дверь:

— Отец, к тебе месье Легран.

— Входи, входи, — раздался тёплый голос.

Передо мной стоял мужчина с удивительно добрым лицом и мягкой улыбкой. Его внешность производила впечатление чистоты и порядка: аккуратно зачёсанные в хвост волосы, живые и внимательные глаза, изучали меня с неподдельным интересом.

— Антуан Легран, — произнёс он, протягивая руку. — Рад наконец с вами познакомиться лично. Я — Жюльен Моро.

Его пожатие оказалось неожиданно мягким, почти невестомым, но в то же время уверенным. Тонкие пальцы аристократической кисти словно говорили о точности и деликатно-

сти — качествах, необходимых хирургу.

— И я рад, месье Моро, — ответил я, стараясь скрыть волнение. — Признаться, я немного удивлён приглашением.

— О, не стоит, — улыбнулся он. — Я следил за вашей выставкой. Ваши работы... они не просто красивы. В них есть что-то почти хирургическое — точность линий, гармония форм. Вы создаёте совершенство. А мы, в свою очередь, стремимся к тому же — но уже с живыми лицами.

— Вы хотите сказать, что видите связь между скульптурой и пластической хирургией? — уточнил я, чувствуя, как внутри просыпается интерес.

— Именно, — кивнул он. — И мне кажется, что вместе мы могли бы создать нечто уникальное. Но об этом — чуть позже. Присаживайтесь, давайте поговорим подробнее.

Он указал на удобное кресло у окна, и я сел, уже понимая: этот разговор может стать началом чего-то нового.

Жюльен наклонился ко мне почти вплотную и заговорил тихо, почти шёпотом:

— Позвольте поделиться идеей, которая давно не даёт мне покоя, — начал он. — Я убеждён, что пластическому хирургу и скульптору есть чему поучиться друг у друга. В наших профессиях много общего: мы работаем с формами и пропорциями, стремимся к гармонии, но при этом сохраняем индивидуальность объекта.

Он сделал паузу, словно проверяя мою реакцию, и продолжил:

— Специалисты эстетической медицины ищут естественные ориентиры, анатомически правильные формы — но без художественного воспитания глаза здесь не обойтись. Мы стремимся не к безликой симметрии, а к живой красоте, к тому, что делает человека уникальным.

Я кивнул, чувствуя, как в голове начинают складываться первые образы. Жюльен заметил это и улыбнулся.

— Разумеется, — добавил он, — мы не можем полностью уравнивать хирурга и скульптора. Задачи у нас разные: вы работаете с холодным мрамором, а я — с живой тканью, с нервами и сосудами, стараясь ничего не нарушить. Но процесс познания во время работы удивительно похож. Хирург получает информацию через две сенсорные системы: зрительную и тактильную. И это очень напоминает деятельность скульптора, который тоже работает глазами и руками.

Я уже не просто слушал — я видел это. В воображении возникали образы: сначала абстрактные линии, затем — очертания лица, постепенно обретающие черты.

— Именно поэтому, — продолжал Жюльен, — взгляды и идеи в этих профессиях пересекаются. Не случайно сегодня у пластических хирургов и косметологов стало актуальным развитие художественного начала. Встретить вас — большая удача.

Мы помолчали. Я обдумывал его слова, и чем больше размышлял, тем яснее видел возможности.

— Получается, — проговорил я медленно, — мы мог-

ли бы работать поэтапно? Сначала я, как скульптор, создаю портрет — буквально леплю образ будущего лица под вашим руководством. До операции. Чтобы пациент мог увидеть результат заранее?

Жюльен оживился:

— Именно! — воскликнул он чуть громче, чем прежде, — и мы сможем корректировать образ на этапе скульптуры. И это позволит избежать ошибок, снизить риски и, что важнее всего, дать пациенту уверенность.

Я откинулся на спинку кресла, поражённый масштабом идеи. Это был новый язык искусства и медицины.

— Я готов, — сказал я твёрдо, пожимая руку Жюльена. — Давайте попробуем.

— Тогда начнём с первого пациента, — ответил он. — Это Элен, молодая женщина греческого происхождения из древнего рода. В их семье форма носа передаётся из поколения в поколение как печать рода. Элен решается на коррекцию, но с трепетом: для неё это не просто изменение внешности, а шаг, требующий уважения к традициям.

Я кивнул, сосредоточившись на словах Жюльена.

— Познакомьте меня с Элен. Я хочу увидеть её лицо, понять её историю — и создать образ, достойный её рода и её будущего.

Жюльен улыбнулся:

— Отлично. Она придёт на консультацию завтра утром. Будьте готовы — Элен, как и её отец, человек требователь-

ный. Но я уверен: вы найдёте общий язык.

Он сделал паузу, словно решая, стоит ли говорить дальше, и всё-таки добавил:

— Кстати, знаете, почему до меня никто не взялся за этот случай?

Я вопросительно поднял бровь.

— Димитриос Каллис ее отец, — продолжил Жюльен, понизив голос, — человек, чьё имя вызывает уважение и... осторожное молчание. Он не просто богат — он влиятелен. Его бизнес связан с судоходством, энергетикой, недвижимостью. Он может сделать карьеру — или сломать её одним звонком.

— И поэтому хирурги отказываются? — догадался я.

— Не совсем. Он платит щедро — более чем щедро. Но дело не в деньгах. Хирурги отказываются из-за риска. Один неверный шаг — и нос, который веками был символом семьи, потеряет узнаваемость. А это уже не просто эстетическая ошибка. Это оскорбление рода.

Жюльен откинулся на спинку кресла и вздохнул:

— Я согласился не из-за денег. Димитриос не просил — он вежливо попросил. Отказать было невозможно. Но я понимал: обычная консультация и стандартное планирование здесь не сработают. Нужен новый подход. Поэтому я и подумал о вас.

Я кивнул, начиная осознавать масштаб задачи.

— То есть скульптура — это не просто визуализация, —

уточнил я. — Это страховка. Гарантия, что мы не нарушим фамильную линию, но дадим Элене шанс на новую жизнь.

— Да, — кивнул Жюльен. — И это делает нашу работу не просто медицинской процедурой. Это искусство, где точность хирурга встречается с видением художника.

Я задумался. В голове уже складывались первые линии: как сохранить горбинку, но сделать её менее резкой? Как смягчить профиль, не потеряв аристократичности? Как соблюсти баланс между традицией и современностью, между волей отца и мечтой дочери?

— У меня есть фотографии нескольких поколений, — оживился Жюльен. — Они помогут вам понять, что именно нужно сохранить.

— Тогда я готов, — сказал я твёрдо. — Завтра, на встрече с Элен, мы начнём.

Жюльен протянул руку:

— Спасибо, Антуан. Я знал, что могу на вас положиться.

Я пожал его руку, чувствуя, как внутри разгорается азарт. Это была не просто работа. Это был вызов — тонкий, опасный и невероятно вдохновляющий.

— Завтра в девять утра, — уточнил Жюльен, вставая из-за стола. — Я подготовлю всё необходимое: фотографии семьи Каллис, медицинские снимки Элен, данные предыдущих консультаций. Вы сможете изучить материалы заранее.

— Прекрасно, — кивнул я. — Приду пораньше, чтобы успеть погрузиться в детали.

Жюльен провёл меня к выходу из кабинета. В коридоре по-прежнему царила умиротворяющая атмосфера: мягкий свет, приглушённые тона, вид на сад с фонтаном из окна успокаивал.

Солнце уже клонилось к закату, воздух наполнился ароматом цветущих кустарников. Я шёл обратно к мастерской, и в голове уже складывались первые наброски: плавные линии, смягчённые углы, аристократический профиль, который не кричит о своём происхождении, а шепчет о нём.

Я сел за стол, взял карандаш и замер на мгновение, представляя её лицо. Затем линия коснулась бумаги — первая линия нового проекта, нового пути, нового понимания искусства.

Глава 4 «Помощь замыслу раскрыться»

Сияющее утро городка, с белой паутиной облаков, постепенно расходящихся в стороны от лёгкого ветра, окутывало всё вокруг умиротворением. На лазурной воде залива Серебряной Луны покачивались парусники, в ожидании своих хозяев. Птицы крест-накрест прорезали ароматный воздух и звонко щебетали, словно сопровождая меня к назначенному часу встречи с Элен Каллис.

Я медленно шёл по длинному коридору клиники — возвращался из архива. В руках я держал несколько бумаг, касающихся предков той самой гречанки, с которой сегодня была назначена консультация в кабинете Моро. Прислушиваясь к эху собственных шагов, я погрузился в раздумья.

За поворотом я неожиданно столкнулся с девушкой, вышедшей из боковой двери. Едва не сбив её, я успел подхватить за локоть.

— Прошу прощения, я совсем не смотрел вперёд... — начал я и поднял глаза.

Передо мной стояла миниатюрная девушка с вытянутым сухим лицом и едва заметной грудью. Огромный нос, делящий лицо пополам, придавал её облику странное очарование — одновременно комичное и завораживающее. В огромных зелёных глазах светилось любопытство, а из небрежного узла волос выбивались пряди, обрамляя скулы.

— Ничего страшного, — ответила она голосом, звучащим на восточный манер, слегка в нос. Слушать её было забавно: в интонациях угадывались и мягкие гласные, и резкие согласные, словно она говорила на двух языках одновременно. — Вы ищете что-то?

— Да, — я всё ещё держал её за локоть, но теперь осторожно отпустил. — Мне нужен доктор Моро.

— О, это мой доктор, — улыбнулась она, и лицо её сразу преобразилось: из отстранённого стало приветливым, почти озорным. — Элен Каллис. А вы?

— Антуан Легран.

— Француз? — она чуть прищурилась. — Я угадала?

— Да.

— Прекрасно. Тогда я провожу вас.

Я последовал за ней, невольно любуясь её походкой. В

Элен чувствовался характер: она была умна — это читалось в быстрых, точных движениях и в том, как она держала голову. Но было в ней и что-то дерзкое — в насмешливом блеске глаз, в чуть приподнятой брови, когда она оглянулась проверить, иду ли я следом.

— Вы здесь на консультацию к доктору Моро? — спросил я, стараясь не отставать.

— Да, — она тихо рассмеялась. — И, кажется, не зря.

Мы свернули в другой коридор, где окна выходили в сад. Солнечный свет упал на лицо Элен, и я заметил, что её кожа была смуглой, с лёгким оливковым оттенком.

— Вот и кабинет, — Элен остановилась у двери с табличкой и постучала.

Из-за двери донеслось что-то неразборчивое, и Элен толкнула дверь.

— Входите, — она отступила в сторону, пропуская меня.

Жюльен Моро торопливо закончил разговор по телефону и жестом пригласил нас расположиться в мягких креслах.

— Вижу, вы уже познакомились? — улыбнулся он. — Это Антуан. Он, как скульптор, создаст портрет — буквально слепит образ вашего будущего лица до операции. Так вы, Элен, сможете увидеть результат заранее.

— Как необычно! Очень интересно, давайте попробуем, — с живым интересом и волнением произнесла Элен.

Работа закипела. На столе уже лежали фотографии и несколько эскизов, которые я накануне набросал в мастер-

ской. Мы обсудили детали — многое Элен понравилось. Процесс напоминал увлекательную игру: выбери и не ошибись. Элен звонко смеялась, отпускала шутки; в ней чувствовалось что-то детское и лёгкое.

После этой встречи во мне что-то произошло — будто внутри щёлкнул невидимый переключатель. Мысль не отпускала: я хочу помочь ей увидеть в себе то, что вижу я.

Я остановился у окна в коридоре. Имею ли я на это право? Кто я такой, чтобы вмешиваться в то, что создано свыше? Внутренний голос шептал: «Ты всего лишь скульптор, ремесленник...»

Мысли метались. Я вспоминал её зелёные глаза, смех, веснушки... Как можно желать изменить что-то в этом? Но в то же время я ясно видел черты, которые мешали ей чувствовать себя уверенно.

Взгляд упал на своё отражение в стекле. И вдруг воспоминания о причине перемен вспыхнули передо мной, словно страницы старого дневника, которые ветер вдруг развернул на самом болезненном месте.

«Я был бабочкой, которая не решалась покинуть кокон. Страх, неуверенность, привычка к темноте — всё держало меня внутри. Но однажды я понял: если не разорву эти путы сейчас, то останусь там навсегда. И я решился. Не в юности, когда всё даётся легко, а в зрелом возрасте — когда каждое решение взвешено, когда знаешь цену перемен. Я перекроил свой облик, как художник перерисовывает неудачный этюд.

Но это была не просто внешность — это было освобождение.

Теперь я летаю. Легко, свободно, радостно. Мир вокруг меня изменился — или я наконец увидел его таким, какой он есть: полным красок, возможностей, чудес. Я больше не прячусь. Я — это я. И я счастлив».

Я вижу: Элен тоже заслуживает этого — шанса увидеть себя по-новому, обрести лёгкость и веру в себя. Я помогу ей.

Решимость окрепла. Я достал блокнот и начал делать первые наброски, представляя, как линии её лица могут стать ещё гармоничнее, сохраняя при этом ту неповторимую индивидуальность, которая так поразила меня при встрече.

После того как я договорился сам с собой, я приступил к первому этапу воплощения этого замысла в своей мастерской. Осторожно, с почти ритуальной сосредоточенностью, я начал наносить первые куски глины.

Линию носа не стал делать тоньше или изящнее, а сохранил ту самую характерную форму, но смягчил переходы. Каждый штрих был продуман, каждое прикосновение — взвешено.

Время потеряло значение. Я забыл о часах, о голоде, о том, что за окном уже сгущаются сумерки. Весь мир сузился до каркаса, глины и образа, который постепенно проявлялся передо мной.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что улыбаюсь. В этой работе было что-то магическое: я не просто лепил лицо, я создавал возможность. Возможность для Элен увидеть

себя по-новому — такой, какой она могла бы быть, сохранив при этом всё то, что делало её уникальной.

Глава 5 «Подлинность и иллюзия»

После долгих часов у скульптуры, мне нужно было выйти, я словно вырвался из потустороннего мира мастерской и решил прогуляться по улочкам городка. Хотелось прочувствовать прошлое, таящееся в этих стенах, уловить шёпот веков в неровностях каменных глыб. Будто искал собеседника в говорящих стенах — тех, что видели многое и могли бы повествовать свои истории.

Я не спеша шёл вперёд, позволяя шагам вести меня без определённого маршрута. Воздух был прохладен и свеж, он смывал усталость, а мягкий сумрак мягко размывал очертания предметов, делая мир более загадочным.

Жители ещё не все разошлись с прогулок. Где-то слышался смех, звон бокалов, приглушённые голоса и поздний вечер провожал людей по домам, мягко подталкивал к отдыху.

Вдалеке виднелась жандармерия. Жандармы несли службу размеренно, без суеты, охраняя покой местных жителей.

Городок стал излюбленным местом богатых и знаменитых, покинувших мегаполисы в поисках тишины. Сюда приезжали ради целебного воздуха и живописных видов — и оставались, очарованные провинциальным шармом. Я остановился у старинной арки, украшенной резьбой. Пальцем провёл по камню, ощущая его фактуру — холодную, шершавую, испещрённую временем.

Вдруг из-за стены меня напугала девушка — она хлопнула в ладоши и звонко выкрикнула: «Бумс!» Это игривое слово мгновенно перенесло меня в детство, когда мы с ребятами во дворе играли в прятки.

Это была Мия — та самая, которую я встретил незадолго до своей выставки и был поражён её совершенством. Редкий экземпляр, который для творческих людей становится музой и источником вдохновения.

— Добрый вечер, Миа. А вы что, одна гуляете так поздно? — спросил я.

— Да, сбежала из дома, — вздохнула она. — Что-то устала от нравоучений родителей. Я же уже взрослая, как вы думаете, Антуан? — с вызовом спросила она.

— А сколько вам лет? Вы, наверное, ещё несовершеннолетняя? — неожиданно для самого себя спросил я, невольно подстраиваясь под молодёжный тон.

— Да ну что вы! Я уже совершеннолетняя — через два дня мне исполнится восемнадцать, и паспорт у меня есть, — уверенно ответила Мия.

— Ах, если паспорт есть, тогда вы абсолютно взрослая, — улыбнулся я и заметил, что эта фраза не просто понравилась ей, но и подтолкнула к какой-то мысли. Я ещё не понимал, к какой, но чувствовал: она что-то задумала. И оказался прав.

— Вот хотела у вас спросить: не хотели бы вы на мне жениться через два дня? — быстро проговорила она.

— Вот тебе и здравствуйте, вот вам и добрый вечерок, —

рассмеялся я.

— Вы что, испугались? — совершенно серьёзно спросила Мия.

— Нисколько не испугался. Но разве для этого не нужно быть влюблёнными друг в друга и всё такое?

— О, вы об этом? Это быстро происходит, потом всё сложится само собой, — уже на полном серьёзе прозвучал её голос.

— Интересно... Для вас это, похоже, способ сбежать от родителей, а для меня — что? Ответьте-ка мне на этот вопрос, — с нарочитой серьёзностью посмотрел я на неё.

Мия ничего не ответила и резко переключилась на другую тему:

— Завтра у меня тоже будет выставка! Хочу показать всем свои работы — я долго их копила и вот наконец готова похвастаться. Вы же не забыли, что я занимаюсь цифровой живописью?

— Мия, это замечательно! Ваша первая выставка — такое событие я ни за что не пропущу. Восхищаюсь вами: вы как глоток свежего воздуха в этом городке. Обязательно буду, — искренне ответил я.

— Правда, место для выставки не такое масштабное, но очень уютное — вам понравится. Я всё подготовила и продумала. Мне очень важно ваше мнение, — неожиданно она взяла меня за руку, чуть по-детски потрясла её от радости и добавила: — Вы придёте?

— Конечно приду. А теперь бегите домой — уже поздно. Спокойной ночи, — попрощался я.

— До встречи! — улыбнулась Мия, повернулась и её силуэт растаял в ночи...

Внутри меня словно всё перевернулось. Я почувствовал какую-то лёгкость после этой встречи — будто от одного её присутствия воздух стал чище. Да, Мия поразила меня своим совершенством ещё при первой нашей встрече.

Я не просто думал о ней — я создал её образ для выставки: она стоит вполоборота, чайки кружат над головой. Статуя из гипса получилась... не портретной, но узнаваемой на уровне ощущения. Интересно, что Мия даже не узнала в ней себя — а ведь это и было главной задачей. В этом есть особая этика искусства — передавать суть, а не буквальность.

От неё всегда остаётся некое послевкусие — как от редкого вина или внезапного порыва ветра с моря. Я пока не могу объяснить это чувство. То ли она просто муза — тот самый импульс, что заставляет кисть двигаться, а мысль — искать новые формы.

Она взволновала меня и вытеснила всё, что существовало до этого. Даже образ Элен, который я леплю в мастерской, на мгновение отошёл на второй план. Не исчез — нет, он по-прежнему важен, но сейчас в сознании главенствует Мия с её «Бумс!» и неожиданным предложением руки и сердца.

Я усмехнулся, глядя в темноту, куда скрылся её силуэт. «Жениться через два дня... Ну надо же».

Вдохнул глубоко, пытаюсь упорядочить мысли. Завтра — её выставка. Нужно быть там, увидеть её работы, понять, как в цифровой живописи отражается та же энергия, что живёт в ней самой. И, может быть, найти ответ — не на вопрос о свадьбе.

Господи, о чём я только думал, когда позволил себе увлечься этими фантазиями? Как я смогу рассказать о себе этой милой девушке? Ведь я словно собран искусственно, по кусочкам. Моя красота, та, что привлекает взгляды, не естественна. Вот что я сейчас отчётливо осознал — и от этой мысли внутри всё похолодело.

Я остановился, оперся о каменную ограду и посмотрел на огни своего особняка, мерцающие на возвышенности городка. В голове крутились беспощадные истины: моё лицо, коррекция фигуры — всё это воплощение мечты, а не то, что подарила природа. Каждая линия, каждый изгиб — результат долгих часов в кабинетах хирургов, месяцев реабилитации, неустанной работы над имиджем.

И ведь цели были совершенно другими. Не семья, не тихое счастье, не любовь — нет. Всё это создавалось ради восхищения окружающих, ради статуса, ради того, чтобы вызывать восторг и зависть.

Поднимаясь по ступеням, я ещё раз оглянулся на тёмные улицы. Где-то там, в лабиринте улочек, Мия, возможно, сейчас мечтает о завтрашнем дне, о выставке, о том, как я буду смотреть на её работы... А я? Я должен вернуться к перво-

начальным планам. Перестать мечтать о жизни, которую она так легко предложила, — жизни, которая не вписывается в мой тщательно выстроенный мир.

Войдя в дом, я подошёл к большому зеркалу в прихожей. Длинные тени ложились на стены, а я вглядывался в своё отражение — безупречное, отточенное, идеальное. Но в глубине глаз читалась усталость. Не от сегодняшнего дня, а от долгого пути, на котором я, кажется, потерял что-то важное — ту самую подлинность, которую так ценит Мия и которую я когда-то, возможно, тоже ценил.

Завтра — её выставка. Я обещал быть там. И я приду. Но уже не как мечтатель, а как человек, который чётко понимает границы своей жизни. И пусть эти границы кажутся мне сейчас слишком жёсткими — я сам их возвёл. И только мне решать, ломать их или оставить как есть.

Глава 6 «Ведомая сердцем»

На террасе ресторана с видом на парк открылась выставка цифровой живопись. На мольбертах мерцали картины — словно окна в иные миры, где природа и технологии сливались в едином ритме. Рядом, в живых композициях, переплетались настоящие растения и искусственные цветы, создавая ощущение естественного перехода между реальностью и цифровым пространством.

Мия сияла от восторга: это выставка была её первым крупным проектом. Обучающие курсы искусств в Великобритании раскрыли её талант и принесли первые плоды.

На открытие, собралась преимущественно молодая публика — видимо, тема оказалась им особенно близка. Казалось, все юные жители городка пришли посмотреть на работы Мии. В голове у художницы мелькнула мысль: «Хорошо, что заказали много сладостей и напитков — все останутся довольны».

Мероприятие проходило в традиционном формате, но Мию что-то беспокоило — и это было заметно. Юность не умеет скрывать эмоции так же умело, как зрелость: волнение девушки считывалось в каждом движении. Она нервно поправляла платье, поглядывала на вход и крутила браслет.

— Что тебя беспокоит? — тихо спросил подошедший отец.

— Папа, почему-то я не вижу Антуана, — с грустью в голосе произнесла Мия. — Он обещал обязательно прийти...

— Возможно, его что-то задержало, — мягко ответил отец. — Мало ли какие обстоятельства могли изменить его планы...

Эти слова не успокоили ее, а лишь усилили тревогу. Ей отчаянно хотелось броситься на поиски Антуана — хотя она и не представляла, куда бежать. «Вдруг с ним что-то случилось?» — метались мысли. Она снова и снова посматривала на часы, желая, чтобы церемония поскорее закончилась и можно было начать его искать...

Её мысли были заняты совершенно не выставкой — интерес пропал абсолютно. Все комплименты и восхищения про-

носились для неё лишь фоном. Она выполняла всё в автономном режиме: движения, поклоны, улыбки и ответные речи словно перешли в некое двумерное пространство — механическое, лишённое подлинного участия.

Наконец она вздохнула с облегчением: посетители начали расходиться. Прошло два часа — для выставки цифрового искусства это даже слишком много, особенно когда внимание аудитории быстро рассеивается.

— Ты куда? — остановил её отец, заметив, что она решительно направилась к выходу.

— Папа, мне пора бежать, у меня есть кое-какое дело, пожалуйста, — она посмотрела на него умоляюще.

У отца сжалось сердце: её волнение передалось и ему. Он не стал препятствовать этому порыву.

— Да, конечно, беги, детка. Я всё тут аккуратно сверну и привезу домой, — ласково произнёс он.

— Папа, я тебя люблю, спасибо тебе за всё: за выставку, за беспокойство, за поддержку. Я так тебе благодарна! Мне действительно нужно бежать. До вечера... — быстро проговорила Мия, обняла отца и почти выбежала с террасы.

Радость от успеха выставки ещё теплилась где-то внутри, но тревога за Антуана уже затмевала всё. В голове билась одна мысль: «Где же Антуан?». Она достала телефон, проверила сообщения — ничего. Позвонила — гудки шли, но никто не отвечал.

Оглядевшись, она решила пойти в ту сторону, где, по её

догадкам, мог находиться его особняк — где-то на возвышенности. Она вспомнила, что после прогулок Антуан обычно направлялся вверх по склону, и это был единственный ориентир. Дорога шла в гору, и с каждым шагом волнение нарастало. Мия представляла самые разные сценарии — от банальной задержки до чего-то серьёзного.

Ветер играл её волосами, а она всё ускоряла шаг, почти переходя на бег. В этот момент она не думала о выставке, о зрителях, о своих работах — всё отошло на второй план. Сейчас для неё существовал только один вопрос: что случилось с Антуаном?

Всё вокруг было пустынно. Она заметила в отдалении здание, напоминавшее мастерскую - грубые каменные стены с массивной дверью. Не раздумывая, она бросилась туда и вбежала внутрь. Помещение оказалось открыто...

«Боже, как же здесь великолепно!» — невольно подумала она. Всё дышало творчеством: разбросанные эскизы на столе, пятна краски на полу, незаконченная скульптура в центре комнаты. Ей отчаянно хотелось погрузиться в этот мир, изучить каждую деталь — но не сейчас. Позже.

В мастерской она словно прочитала его характер, уловила отголоски внутреннего мира Антуана. И он стал ей ещё дороже — не просто загадочным взрослым мужчиной, а человеком с ранимой душой и глубоким взглядом на мир.

Мия вбежала в дом — он тоже оказался не заперт. На мгновение её охватила неловкость: заходить внутрь казалось

почти непозволительным. Но тревога пересилила. Она стала звать его своим звонким, но теперь уже дрожащим от волнения голосом:

— Антуан! Вы здесь? Где же вы?.. — от этой гнетущей тишины слёзы полились ручьём, безостановочно, обжигаяще. — Да откликнитесь же, не мучьте меня!..

И в этот момент она вдруг почувствовала: с ним всё в порядке. Не умом, а сердцем поняла — он жив, он рядом, просто где-то неподалёку.

Вдруг она услышала его голос — не из дома, а откуда-то издалека. Обернувшись, Мия увидела его: он сидел на большом камне за территорией и смотрел вдаль, совершенно неподвижный, словно часть пейзажа.

Она бросилась к нему:

— Как вы меня напугали! Что случилось? — Мия остановилась и присела рядом, внимательно всмотрелась в его лицо, ища следы боли или тревоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.